

Ю. А. Кулакова

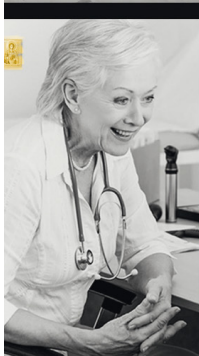
КОГДА

БОГ

РЯДОМ

Издательство
Сретенского монастыря

Юлия Аркадьевна Кулакова

Когда Бог рядом

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51264583

*Когда Бог рядом: рассказы / Ю. А. Кулакова: Изд-во Сретенского
монастыря; Москва; 2017
ISBN 978-5-7533-1364-5*

Аннотация

Кулакова Юлия окончила филологический факультет Самарского государственного университета, супруга священника Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Около 15 лет публикуется в православных электронных и журнальных изданиях, в том числе на сайте Православие.ру.

Автор рассказывает о приходской жизни, о пути своего воцерковления и служения уже в качестве матушки священника. Читателям будет интересно узнать, как живут приходы Русской Православной Церкви за рубежом, автор рассказывает об опыте общения с детьми в воскресных школах православных приходов в Доминиканской Республике.

Содержание

Высшая небес	5
Высшая небес	6
Настоящее	13
Когда Бог рядом	21
Не предавать	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Юлия Аркадьевна
Кулакова
Когда Бог рядом
*Рассказы***

© Кулакова Ю. А., 2017

© Сретенский монастырь, 2017

Высшая небес

Высшая небес Рассказ-быль

*Моему духовному отцу протоиерею Геннадию
Феоктистову посвящается*

Золотая дымка легла на воспоминания о том времени, когда я, переступив порог храма, поняла, что остаюсь. Что найдено Отечество, и Отеческие объятия, обретен тот мир, за который всегда будешь драться до последнего и который – всегда мир.

Дивный храм, его деревянные стены казались слитыми из солнечного света, а могучие деревья и буйная зелень вокруг создавали ощущение старинной сказки. Мудрый батюшка, что согласился принять меня, грешную и непослушную, в духовные чада, виделся одним из тех, чьи жития я тогда читала взахлеб днями и ночами. «Молись Божией Матери», – говорил он мне во всех обстоятельствах, и грешное мое сердце каким-то уголком пыталось отразить свет его благоговения перед Пречистой. Издерганная и перемазанная житейской грязью душа младенчествовала в Господе, и Всемилосердый укреплял в вере обильными чудесными благодеяниями.

Одно из таких чудес я вспоминаю сейчас. Шел четвертый год, как я почти каждый день входила в неширокую дверь, над которой – крест и икона моей любимой святой. В теплое время мы с девочками снимали обувь и шлепали босиком по траве вокруг церковных стен. Нам всем казалось, что мы здесь становимся детьми, нас переполняла беззаботная радость – наверное, так радуются малыши, играя с солнечными зайчиками. Но в эти дни я ходила осторожно и даже туфель не снимала. Ведь под сердцем моим, мягко и нежно давая о себе знать, росла и укреплялась еще одна радость. Дар Господень, маленькая душенька, которую мы так ждали.

Летний воскресный день. Много людей пришло, так много, что в храм не протолкнуться, но меня всюду пропустят, я уже знаю. Девчата смеются, молодые мамы, оставив шумных детишек кувыркаться в куче песка, важно подходят спра-

виться о моем здоровье.

– Скоро тебе?... – спрашивает Ирина.

Утро раннее, а она уже устала, переживает из-за излишней резвости пятилетнего сынишки. Сынишка рвется то на дорогу, то на пруд тритончиков посмотреть.

– Нет еще, – начинаю я, но ее Мишутка, вооружившись палкой, увязывается за любимцем прихода баловником Лешкой к пруду, и Ирина, ахая и всплескивая руками, направляется за ними.

Пять дорожек ведут к храму, пятью ручейками текут к нему богомольцы. Бабули в ситцевых платках, с палочками, семят, держат друг друга под руку, чинно и медленно идущие дедушки громко обсуждают, какую бы нужно нашей церкви колокольню – «чтоб все слышали, чтоб все шли Богу помолиться!». Молодые девчонки в джинсах на ходу оборачивают ноги длинным платком, торопятся на исповедь, и бабушка их ни за что не прогонит: мало ли, как тяжело им при неверующих родителях в храм убежать! Серые кудряшки выбиваются из-под платочка одной прихожанки, она уже прапрабабушка – это праведникам дает Господь увидеть своих праправнуков, только вчера читала. Пятидесятилетний мужчина гордо несет на руках двухнедельного сынишку, следом идет смущенная жена и взрослые старшие сыновья и дочери. Истоиво крестятся и кладут поклоны парни с военной выправкой. Скромница Фотинья ступает, глядя себе под ноги, и чуть заметно улыбается, сегодня после службы – ее венча-

ние. Идут, любопытно разглядывая всех нас, несколько накрашенных женщин лет сорока-пятидесяти. Путаются под ногами взрослых и задирают торжественно, для Причастия одетых ровесников раскрасневшийся Мишутка и умудрившийся-таки упасть в пруд (ох и помучились тетеньки его вытирать!) Лешка. Испугавшись то ли грозного взгляда Ирины, то ли хворостинки в ее руке, забегают они в храм. Захожу и я.

Последней заходит бабушка Вера. У нее скорбное, изможденное лицо. Рядом – шестилетний Степка, болезненный, как всегда испуганный, готовый юркнуть куда-нибудь и затаиться. Степка – это ее внук. Отец у него пьет и постоянно распускает руки, маму после очередного семейного «разговора» положили в больницу. Бабушке тяжело идти, Степка цепляется за ее морщинистые руки. Начинается служба.

Вот уже Причастие, причащаются и Мишутка, и Лешка, и бабушка Вера с внуком. Все радуются, как на Пасху, причастников много, все друг друга поздравляют. Чаша занесена в алтарь, как вдруг...

– Господи, не введи во искушение! Царица Небесная, спаси! – раздается крик. Шум, вскрики... Парни выносят из храма бабушку Веру, бессильно повисшую на их руках.

С громким плачем движется за ними худенький Степка. Повинуясь какому-то порыву, забыв об осторожности (как тяжело пробираться!), выбегаю из храма, кто-то идет за мной – не вижу. «Положить ее, положить!» – «А что под голову?» –

«Сердце, сердце, „скорую“!» Не помню, как оказываюсь на лежащих во дворе досках и сама укладываю бабушку головой на мои колени. Степка, всхлипывая, продолжает хватать ее за руки, женщины наперебой ищут лекарства, кто-то знающий пытается оказать первую помощь. Дыхание бабушки слабеет, а «скорой» все нет...

– Это мой... маленький крестик. Степушка, мой крест, мой маленький крестик, так старец сказал... – шепчет бабушка Вера. – Что с ним будет, а?

– Держитесь, пожалуйста, держитесь, все будет хорошо! Господь не оставит, сейчас будет лучше, вы пойдете домой, – тараторю я, глядя лицо бабушки. Глупые, глупые слова!

– Нет... меня предупреждали... сердце совсем... плохое, зять сегодня... – шепчет она и вдруг закрывает глаза. Едва слышу дальше: – Причастилась... не боюсь... Сте-па...

– Батюшке сказали, батюшка помолится! – кричат из храма.

Дверь открыта, мне отсюда, с досок, видно всю церковь. Но дыхание бабушки становится неслышным, лицо резко бледнеет, безвольно падает рука. Девчата кричат, парни сжимают кулаки. Заходится в рыданиях бедный Степушка.

И вдруг доносится из храма голос нашего духовного отца: – Высшую Небес и Чистшую светлостей солнечных, избавльшую нас от клятвы, Владычицу мира песнями почтим!

Весь храм опускается на колени. До земли склоняются ситцевые платочки, всем сердцем молятся старички, со сле-

зами стоят покрашенные тетеньки, тушь течет по щекам. Все, кто стоял на улице вокруг больной, опускаются на колени в траву. Обняв Степку, склонились до земли, по-взрослому сдерживая слезы, озорные малыши.

– К Тебе прибегаю, Благодатней, Надеждо ненадежных, Ты ми помози!

На секунду мне кажется, что лицо бабушки стало совсем белым. НЕТ!!! Молюсь как могу, мысленно кричу: «Господи, НЕТ! Владычица Всепетая, НЕТ! Спаси, спаси!» Бьется на земле охрипший от плача Степка.

И слышится мне, произносит батюшка: «...рабы Божией Веры». И бабушка шевельнулась, и лицо ее начало розоветь, и она открывает глаза. Степа поднимает голову, смотрит на бабушку, кидается, прижимается к ней.

– Степушка, внучек, – шепчет она.

Парни бросаются обниматься, малыши пляшут, мы с девочками ревим. Люди в храме поднимаются с колен, как один бросаются к нам. Бабушка слабо улыбается.

Вдруг раздается вой сирены, и в церковный двор влетает машина «скорой помощи», с визгом тормозит рядом с нами. Из нее, не глядя по сторонам, в сопровождении медсестры выходит недовольный толстый доктор:

– Ну, что тут у вас?!

– Доктор, у меня ишемия! – приподнявшись на локте, бодро рапортует наша бабушка.

– Ишеми-ия, – ворчит доктор. – Ходят, молятся, а чуть

что – все равно к нам!..

Он собирался еще что-то сказать, открыл рот и даже руку поднял на манер римского оратора, но только тут оглянулся: вокруг столпились все наши многочисленные прихожане. Он махнул рукой, велел медсестре проводить бабушку в машину и сам неуклюже полез следом. Через некоторое время высунулся и крикнул Степке:

– Эй, малец, давай к нам, прокатишься! Домой вас отвезем! Кто еще с нами, на этаж чтобы поднять!

Двое вывалились, двери закрылись, машина, отчаянно сигналя, выехала на асфальт шумной городской улицы.

Об этом событии будут говорить, и пересказывать другим, и изумляться, а тихий юноша, поехавший с бабушкой и Степкой, поведаст о том, как встретил их бабушкин зять: «Мне с ним чуть драться не пришлось!»

Это будет потом. А сейчас я встаю и смотрю внутрь храма. Я вижу уставшее, светлое, доброе лицо нашего батюшки. Ему некогда отдыхать, принесли крестить двоих спящих грудничков, а потом – венчание...

Настоящее

В этот день я шла на работу в растерянности. Выйдя из дома, споткнулась на лестнице. Чуть не пропустила свой автобус. Едва не проехала мимо остановки. И несколько метров от остановки до редакции показались долгой дорогой. Хотелось все осмыслить.

С чего все началось? Наверное, с исповеди. Моя подруга заболела тяжелой болезнью. Она нашла в себе силы обратиться к Богу. И выздоровела. И телесно, и душевно. В ее облике появилось что-то такое неопишваемое, что-то светлое

и доброе, за которым хотелось идти и идти на край света. Я и пошла. Пошла с ней в храм.

Она подарила мне молитвослов. Маленький, синенький, с золотым тиснением, а на первой странице – фотография... храма, где меня крестили. Совпадение? А каким совпадением объяснить то, что я, читая по вечерам, тайком от родных, молитвы из этого молитвослова, не могла оторваться и читала дальше, и дальше, и дальше? В ближайшее время я отправилась на первую в своей жизни исповедь.

Но она же оказалась и последней на долгое время. Снова жизнь «как раньше»... И вдруг – болезнь. Для меня, привыкшей ничем, кроме насморка по зимней оттепели, не болеть, это был удар: боли, неизвестность, врачи, кабинеты, процедуры, предположение неутешительного диагноза. О диагнозе родным не сказала. Только... одному человеку.

Помню, как пришла домой, как увидела в зале отложенную в сторону газетную страницу. Понятно, почему отложенную: на странице была фотография иконы Божией Матери, это моим «партийным» родным не понравилось. «Иверская», – прочитала я под плохо пропечатанной фотографией. И я бросила на пол мешок с больничными принадлежностями, упала на колени перед журнальным столиком с газетным листком и долго-долго смотрела на снимок.

Анализы, узнавать результаты анализов. Как страшно. И вдруг: «Слушайте, ну не знаю, куда ваши врачи смотрят. Да то, что у вас нашли, и болезнью-то по большому счету не

считается, просто нельзя было запускать. Пролечитесь как миленькая. Ерунда, не беспокойтесь. Идите к врачу, распишите лечение».

На подкосившихся ногах, на улице, надо подышать воздухом. Мимо газетного киоска. Никогда раньше не обращала внимания, что есть православные издания. А тут – «вот этот журнал дайте!». Скучающая продавщица оторвалась от кроссворда, протянула маленький, с черно-белой фотографией журнал. Журнал весь посвящен... Иверской иконе Божией Матери.

Осмывая все это, я столкнулась в дверях со своим редактором. Точнее, со своей.

– Так, появилась? Очень хорошо. Сегодня у тебя пресс-конференция, смотри по плану адрес. А еще найди телефон монастыря, позвони и договорись о встрече, поговоришь там об истории, чего делают, какие планы – нам к празднику надо.

– Монастыря?

– Да, Иверский монастырь, скоро праздник у них. Ты беги давай, пресс-конференция скоро начнется!

Думать пришлось на бегу. В коридоре меня догнала одна из наших сотрудниц:

– О, наша новенькая! Тебя куда редактриса отправила?

– В монастырь...

Лицо коллеги скривилось:

– Куда?! Слушай, ты на нашей работе долго не протянешь!

Она так тебя унижает, а ты молчишь! Зачем позволяешь-то? Надо было отказаться, это же насмешка! Ну, ладно, сама реши. Надо уметь выживать!

И скрылась за дверью.

Даже если она права и такое задание принято давать, чтобы «унизить», то мне до этого нет дела: сегодня я должна прийти к Иверской. В Её обитель.

Договориться о встрече с настоятельницей Иверского монастыря удалось легко. Быстренько я отыскала и прямо на остановке проштудировала брошюру об истории монастыря. Монастырь был создан по инициативе граждан Самары в 1850 году. К этому времени изъявили желание посвятить себя иноческой жизни 38 сестер. Общину назвали Иверской, «исполняя желание елабужской купчихи Екатерины Ивановны Марихиной, пожертвовавшей в возникшую обитель фамильную икону Божией Матери „Иверская“ в драгоценной золотой ризе». Первой настоятельницей стала девица Мария Янова, в постриге игумения Маргарита. Так...годы гонений, все разрушено... Вместо монастыря – дома для рабочих пивзавода. Сестер палачи собрали на прогнившую баржу, вывезли на середину Волги и утопили. У-у, гады, я бы им...

А вот фотографии нынешней настоятельницы, матушки Иоанны. Открытое, волевое лицо. И я к ней сейчас заявлюсь, в штанах и без платка. Еще прогонит!

Мимо пробежала моя сотрудница:

– Чего не едешь? Ты ждешь, что ли, кого?

– Да. Одного человека.

* * *

– Да не волнуйся ты. Отнесись просто как к заданию. Тебе же не впервой встречаться, разговаривать.

– Нет, я так не могу. Это же монастырь, это игуменья! А я еще и в таком виде. В монастырь в таком идти неприлично.

– Вот еще – неприлично, ты же по делу!

– И что же, что по делу? Не зря говорится – в чужой монастырь, да со своим уставом... Я же христианка, что ж я тогда не уважаю... Да ведь ни в чем, получается, не уважаю! Надо в храм ходить постоянно.

– Постоянно-то зачем? Нет, ну, наверное, надо. Но что – каждую неделю, как бабушки?

– При чем тут бабушки? Да, каждую неделю. И причащаться. Ленка звала меня тогда, а я только на исповедь приготавлилась. Не понимаешь ты ничего.

– Я не понимаю? Я хотя бы Новый Завет читал. У меня с детства книжечка, маленькая, «гедеоновская», в школе раздавали. А ты всякий оккультизм читаешь.

– Я уже не читаю!

– Ладно, не кипятись. Приехали уже. Остановка «Пивзавод»!

– Ничего и не пивзавод. Переименовали давно, «Иверский монастырь». Идем?

– Нет. Подожду.

* * *

На земле монастыря полным ходом шла стройка. Несмотря на это, и стены, и кое-где оставшаяся травка, еще не смятая тракторами и бульдозерами, – все казалось окутанным какой-то другой, неясной, еще не испытанной тишиной. Стараясь не греметь металлическими набойками каблучков о каменные ступени, я добралась до строения, которое назвали мне по телефону, и робко постучала в старинную массивную деревянную дверь.

Мне открыла невысокого роста послушница в уютном фланелевом платье. Она приветливо улыбнулась: «Матушка ждет вас».

– Ой, а я это... в штанах вот. И без платка, – забормотала я, вдруг опомнившись.

– Ну, что ж... – вновь улыбнулась девушка.

И я на цыпочках двинулась за ней по коридору. Тишину монастырского корпуса не хотелось нарушать, это было так же щемяще-трепетно, как не хочется тревожить сон младенца.

В небольшой келии навстречу мне поднялась матушка-настоятельница. И я, приветствуя, склонилась перед ней. Здесь можно приветствовать так, как я это понимаю. Я – в другом измерении.

Мы говорили долго. Об обители, о строительстве, о том, какие люди идут в монастырь:

– Вот приходила одна женщина, просила принять ее. Оказалось – у нее маленькая дочь. Объясняю, что взять ее не могу: у нее есть обязанности перед дочерью. Так эта женщина говорит: «Я все поняла! Я дочку отдам бабушке и к вам приду!»

Потихоньку разговор зашел о вере. Я все чаще говорила «вот у одного человека...», «вот одна моя знакомая...», а потом – «а вот у меня...». И тут я не выдержала. И рассказала все. О молитвослове с золотым тиснением, о болезни и о лике Иверской на газетных страницах. О том, как не могу остановиться, читая молитвы перед единственной домашней иконой, право на которую долго отвоевывалось у родных.

– Дай-то Бог, дай-то Бог! Ты православная христианка? – спросила матушка.

– Да!!!

– Идем, благословлю тебя.

И матушка крестила меня широким крестом, а я уже сжимала в руке ее подарок – книгу «Женщина-христианка».

– А вот знаете, один человек... – начала я.

Лицо матушки вдруг просияло. Улыбается? Нет, лицо не изменилось. Но этот свет!

– И сколько вы уже вместе? – тихо спросила матушка.

– С... с кем?

– А вот с этим самым человеком.

Я покраснела, произвела в уме нехитрые арифметические действия и ответила.

– Это у вас навсегда. Это у вас настоящее, – будто вслушиваясь во что-то, мне неслышимое, сказала она.

* * *

В молчании я выходила из ворот монастыря.

– Ну, что тебе матушка сказала?

– Сказала – это у нас настоящее, – прошептала я. – Идем.

Я шла. И он шел рядом. Мой будущий муж, будущий отец моего сына. Будущий священник.

Когда Бог рядом

...Дела есть дела. Надо ехать. А ехать – страшновато. Расстояние от неба до земли превратилось в единый седой водопад, внутри которого пропали все очертания. Такого синоптики не предполагали.

Сын, потирая температурающий лоб, ищет зонтик, неуклюже натягивает ветровку: засовывает руку в капюшон вместо рукава.

Зонт и капюшон нужны уже в подъезде: крыша прохудилась, трубу прорвало, и два настоящих потока льются у са-

мой нашей двери и по центру подъезда. К первому этажу все это превращается в пару рычащих речек и растекается по бетону.

В машину залезть получается не сразу: сначала ее надо увидеть. А потом разглядеть, что воды у дверей – по щиколотку.

Сразу достаем акафистник: акафист, что читаю каждый день у нашего домашнего образа Божией Матери, сегодня прочту в машине. Когда вокруг ничего, кроме белесой стены, не видно, колеса глубоко в воде, а свет дают только редкие молнии – это... уместно. «Радуйся, Благая Вратарнице...»

Дождь постепенно мельчает, будто одумавшись. Однако по-прежнему заставляет держать в уме пословицу про хорошего хозяина и его собаку. Ни собак, ни людей вдоль трассы, и только один мужичок в распахнутой рубахе, веселый и пьяный, идет-шатается по своим разгуляистым делам, и дождь ему нипочем.

Мост через реку. Гудки машин, сбившихся в «пробку». Сын приникает к окнам: скоро начнется ряд магазинов, «где машины продают».

И вдруг... Достаточно далеко от нас, на обочине, по жуткой непролазной грязи, которую не решился преодолеть даже бодрый уазик, я увидела одинокую фигуру. Безногий человек, старательно работая руками, двигался на инвалидной коляске куда-то вперед.

Что делать? Выбежать? Отдать ему свою – безнадежно женскую – куртку? Раскрыть над ним зонт и идти рядом с ним, увязая в грязи, сколько-то сотен метров до ближайшей крыши? Я уже было решилась на последнее, но «пробка» внезапно двинулась, и двинулась быстро, и те самые сотни метров отделили нас от инвалида, в одной майке под проливным дождем преодолевавшего грязевые валы. И напрасно я, выставив голову под ливень, пыталась его разглядеть.

...Сколько раз в этой жизни я повторяла молитву исповедника отца Михаила Труханова – «Боже, будь со мной!». Сколько думала о том, что Он – здесь, рядом. А сейчас Он и был рядом – в образе того несчастного, одинокого человека на коляске. Ведь говорил же Он: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Но я почему-то не выпрыгивала под разверзшимися тучами с радостной мыслью: «Господь мой и Бог мой!», не мчалась по дороге к Нему, не раскрывала над Ним зонт, не согревала одеждой. А с каждой минутой удалялась от Него.

Потом был монастырь, родимая Иверская и мой стыд перед ней. Мощи святого Александра Чагринского, которого я столько просила о многом – и он не оставлял. Сегодня – его праздник, мощи убраны белыми цветами, а храм дышит тяжким запахом лилий.

Потом был другой человек под дождем в инвалидной коляске, который уже узнаёт нас на этом участке дороги, привычно подъезжает к машине и говорит много хороших по-

желаний, пока я лезу в кошелек, а потом мы долго желаем друг другу Божьей помощи. Он рассказывал, что у него есть родные, которые его моют, кормят и не обижают. Сегодня он, промокший насквозь, просто взял купюру, сказал «Счастья!», проехал вдоль ряда машин еще пару раз и скрылся в дверях магазина, мастерски въехав в проем.

А я думала только о Благой Вратарнице. Как Она, стоя у дверей Неба, видит Своего Сына, крутящего колеса инвалидной коляски под проливным дождем. И – равнодушно удаляющуюся машину человека, который только что призывал Ее словами акафиста.

Не предавать

Состояние было нешуточным. Мне повезло: когда муж привез меня к врачу, тот как раз отправлял по «скорой» женщину с таким же случаем. Меня без обследования усадили рядом с ней в «газель», вручили грелку со льдом, и поехали.

– Холодно... куда эту грелку? Сюда? Сюда? – неопределенно ткнула я рукой куда-то в свой бок.

– Сюда, – подмигнула мне соседка и указала на кушетку. Часто я проваливалась в забытие, и думалось только об од-

ном: что я обещала купить ребенку плед с веселым Валли. И не купила, и уже могу не купить.

Молодая, совсем юная врач в приемном шуточно протянула: «Вы куда мне столько женщин на ночь понагнали?» – И вскрикнула, обернувшись ко мне: – «Анализы, срочно!»

Всё как в тумане: операция, капельницы, катетеры, мое обещание уплатить за наркоз, как только высплюсь, смех докторов... Опросы остальных трех пациенток об абортах:

– Три!

– А у меня четыре!

– А мне вообще восемьдесят лет, сами на диагностическое пригнали и еще что-то спрашиваете!

Трели телефонов, звонки в приемной и наконец – сон...

Утро.

Встала. Стою? Отлично. Можно пройтись.

Первый этаж. Успокоить уборщицу, что не собираюсь ни падать, ни курить. Впрочем, стоит повернуть обратно: ноги совсем не держат, мутит.

Там, где видна дверь на улицу, я остановилась. Кто-то будто командовал: обернись!

К окошку регистратуры подходила молоденькая девочка.

Таинственный кто-то продолжал: «Она пришла на аборт».

Что за глупости! Галлюцинации? Вот тебе и хороший наркоз... Но в сердце появилась щемящая тревога, она не уходила. С каждой секундой росла уверенность: да, здесь про-

ходят сотни женщин, кто посещает родных, кто – на обследование или анализы, но именно эта пришла на аборт.

Я понимала, что должна двинуться к ней. Что надо остановить. Тем более что приходилось это делать часто. Не всегда меня слушали, бывало – и убегали, и ругались, и шли в другой день, но попытаться стоит всегда.

Но болел живот, болела голова, в глазах будто повисла пленка, ноги подкашивались... а в сердце заболело малодушие.

«Куда? А если она вовсе не на аборт? А как ты в полуобморочном состоянии будешь с ней разговаривать? Тоже мне, агитаторша с зеленым лицом!»

Ноги совсем ослабли, я вцепилась в дверной косяк, уткнулась в него носом. Пока собиралась с мыслями – девочки уже не было.

– Так, вот ты где! – подскочила врач. – Кто разрешал вставать самой? Ходишь – тогда марш на анализы!

Когда я вернулась, в нашей палате были, кроме оставшихся с ночи, еще две женщины. Одна – лет сорока пяти, а другая – та самая девочка. В халатиках и с ваточкой у локтевого сгиба.

Старшая докладывала, смеясь:

– Нет, какое там – оставить! У меня сын на днях женится, а я тут беременная? Нет, сейчас сделаю аборт и побегу к свадьбе все собирать!

Младшая не говорила ни слова.

– Вы носите брата для своего сына? – спросила я.

Женщина замолчала.

Начался разговор. Долгий, мучительный. Споры, убеждения. Слишком хорошо было понятно: поздно. Когда в сапогах и в регистратуре – еще можно. Когда в халате и с ваточкой – решение уже принято. Женщине просто жалко денег, жалко руку под ваточкой, жалко времени переобувания в тапочки. Это те ритуалы, которые дают понять: все уже сделано, осталось чуть-чуть. Зря, что ли, принесла халатик?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.